

УДК 81'246.2

DOI: 10.17223/19986645/71/10

Г.Н. Чиршева, П.В. Коровушкин

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ В РЕЧИ ПЯТИЛЕТНИХ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ¹

Рассматриваются структурные особенности русско-английских переключений кодов в речи двух пятилетних детей, одновременно усваивающих русский и английский языки в русской семье в России. Анализируются переключения кодов трех типов: выбор кода, межфразовые и внутрифразовые переключения. Устанавливается связь структур переключений с особенностями формирования детского билингвизма. Выявлено, что разные типы переключений по-разному отражают усиление несбалансированности в развитии билингвизма детей.

Ключевые слова: детский билингвизм, переключения кодов, структура, прагматика билингвальной речи, русский, английский

Введение

Переключения кодов встречаются в речи билингвов любого возраста, особенно если их собеседники говорят на разных языках. Коммуниканты при этом находятся в билингвальном модусе, для которого характерна одновременная активация двух языков [1, 2]. Исследователи разрабатывают различные схемы ко-активации грамматик и лексиконов, утверждая, что эти процессы проходят с различной степенью осознанности со стороны билингвов [3].

Цель нашей работы – установить взаимосвязь структурных особенностей детских переключений кодов со спецификой развития билингвизма в отдельный период.

Рассматриваемые переключения кодов наблюдались в высказываниях двух братьев, одновременно усваивающих русский и английский языки в русскоязычной семье, проживающей в России. Мы будем рассматривать только те единицы, которые зафиксированы в речи мальчиков в возрасте 5 лет. Этот период выбран в связи с тем, что почти все пятилетние дети уже активно используют усвоенный язык в своей коммуникации. Что касается билингвальных детей, одновременно усваивающих два языка, специфика их смешанной речи в этом возрасте пока специально не исследовалась. Не анализировалась до настоящего времени и структура переключений между русским и английским языками в речи нескольких детей из одной семьи. В связи с этим в данной работе ставится дополнительная задача: разработать теоретические и методологические основы для проведения таких исследований и показать на примере одного из возрастных периодов

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-012-00260.

специфику анализа детских кодовых переключений. Для контактной лингвистики новизна исследования состоит в том, что структура переключений между двумя языками детально рассматривается в специфическом контексте – при одновременном их усвоении и постоянном взаимодействии в определенном возрасте.

Описание структуры переключений кодов будет сопровождаться характеристиками отдельных семантических и прагматических характеристик детских высказываний, а также дополняться их количественными показателями. В заключение делаются выводы относительно того, каким образом те или иные двуязычные структуры сигнализируют о специфике формирования детского билингвизма.

Билингвальное воспитание в этой семье осуществлялось по принципу «один родитель – один язык»: мама разговаривала с детьми по-русски (на родном языке), папа – по-английски (английский язык не родной, он его усваивал по такому же принципу «один родитель – один язык» от своего русскоязычного папы). Кроме того, по-английски с детьми разговаривали родители со стороны папы мальчиков, также не носители английского языка. Такой билингвизм мы называем моноэтническим; он отличается от биэтнического тем, что в его формировании отсутствуют психолингвистические, прагмалингвистические и ряд других характеристик, которые сопровождают развитие бикультуральности, поскольку социализация детей происходит в моноэтническом и многокультуральном обществе.

Материал исследования извлекался из видеозаписей речи детей в семейной коммуникации. В этом общении участвовали оба мальчика, их папа, мама и бабушка. В англоязычном общении с Мишей до 5 лет и 8 месяцев участвовал также и дедушка. У Саши в пять лет среди англоязычных собеседников были только папа и бабушка. Записи осуществлялись обычно раз в месяц в течение 1–1,5 часов. Общая продолжительность видеозаписей – около 30 часов, из которых около 12 часов приходится на тот период, когда 5 лет было Мише, и около 18 часов – когда 5 лет было Саше. Кроме того, взрослые вели дневники, в которых с разной периодичностью фиксировали факты смешанной речи детей. Объем таких записей для рассматриваемого периода – около 70 тыс. печатных знаков (около 30 тыс. из речи Миши и около 40 тыс. из речи Саши).

Теоретическая и методологическая база исследования

Теоретическая и методологическая база данного исследования включает, во-первых, обзор концепций по проблемам детских переключений кодов и сопоставления билингвальных характеристик речи нескольких детей в семье; во-вторых, рассмотрение основных положений модели анализа кодовых переключений.

За последние несколько десятилетий активизировались исследования детской билингвальной коммуникации на разных возрастных этапах, начиная с самых ранних. Так, на материале смешанной англо-немецкой

речи двух детей в возрасте от 1 года 6 месяцев до 2 лет 11 месяцев. У. Ланверс показала, что переключения кодов у этих детей чаще всего объяснялись лакунами в их двух лексиконах. При этом значимую роль играла и доминантность одного из языков: дети активнее переключались с недоминантного на доминантный язык [4].

В речи билингвальных детей в возрасте до 3 лет Ю. Майзель исследовал комплекс вопросов, связанных со структурными и прагматическими аспектами их смешанных высказываний, в которых они переключались между немецким и французским языками. Он показал, что дети учатся грамматически адекватным переключениям вместе с усвоением соответствующих грамматических категорий каждого языка, поэтому и нарушений грамматических правил в билингвальных высказываниях наблюдалось немного [5].

Исследуя устойчивые сочетания в речи ребенка, одновременно усваивавшего английский и французский языки, Е. Николадис обратила внимание на то, что в возрасте от 3 лет 4 месяцев до 4 лет 3 месяцев нередко наблюдались как переключения кодов, так и интерференция при использовании таких единиц на обоих языках. Более того, в указанный период их количественные показатели были даже более высокими, чем ранее. Объяснялось такое явление как частой совместной встречаемостью разных структур в одинаковых контекстах, так и возрастающей творческой активностью ребенка в период дифференциации языков [6].

Авторы ряда работ, посвященных смешанной речи детей в возрасте от 5 до 6 лет, владеющих английским и китайским (мандарин) языками, показали, что в этом возрасте переключения кодов свидетельствуют чаще всего не о том, что дети заполняют лексические лакуны, как это наблюдается у детей более юного возраста. Квантитативный анализ, проведенный с 55 детьми в двух детских садах, показал, что дети переключаются с языка на язык вполне сознательно для реализации определенных прагматических интенций и с учетом социокультурного контекста коммуникации. На этой основе был сделан вывод, что переключения кодов не мешают развитию билингвизма, а в определенной мере даже помогают развитию коммуникативной компетенции [7, 8].

Кроссекционное исследование билингвальной и трилингвальной компетенции 122 детей в Испании и Германии показало, что прямая зависимость между доминантностью языка и частотой переключений кодов наблюдается не всегда. Авторы этого исследования установили другую зависимость у детей в возрасте от 4,5 до 5 лет: внутрифразовые переключения имеют меньше структурных ограничений между родственными языками, поэтому дети с такими языками переключались чаще, чем те, чьи языки принадлежали разным языковым семьям. При этом все дети могли избегать переключений в одноязычных ситуациях, чтобы их собеседники понимали их без труда, что, по мнению авторов, указывает на сознательно выбираемое коммуникативное поведение двуязычных и многоязычных детей [9].

Автор работы на материале смешанных высказываний двух сестер в возрасте от 2 лет 3 месяцев до 3 лет 6 месяцев связывает их переключения с английского на французский с доминантностью языков в коммуникативном репертуаре ребенка: французский был доминантным, поэтому внутрифразовые переключения обычно строились на основе французских предложений, в которые внедрялись английские лексемы [10].

Наблюдения за детьми из одной семьи, усваивающих два одинаковых языка по одному и тому же принципу билингвального воспитания, неизбежно приводят к сопоставлению их речевых характеристик, среди которых различий отмечают меньше, чем сходств [11–14].

В данной работе нас интересуют структуры детских кодовых переключений, поэтому мы будем сравнивать их количественные и качественные показатели в речи двух детей на протяжении одного года – в пятилетнем возрасте. По нашему предположению, сходные характеристики преобладают, а различия есть только в количественных показателях.

Переключения кодов по своей структуре могут быть межфразовыми (intersentential) или внутрифразовыми (intrasentential). Последние, в свою очередь, делятся на два вида: 1) переключения между компонентами сложного предложения (clause-switches), в обособленных оборотах (parenthetical switches), в присоединенных частях (tag-switches); 2) переключения в пределах словосочетания или простого предложения.

Анализ структурных особенностей внутрифразовых кодовых переключений в рамках простого предложения в речи детей мы будем проводить при помощи модели рамки матричного языка (далее – модель РМЯ) (the Matrix Language Frame Model (MLFM), разработанной К. Майерс-Скоттон и ее коллегами [15–18]. Для межфразовых переключений и переключений в репликах диалогических единств эта модель не применяется, поскольку в них отсутствует взаимодействие грамматик и лексики двух языков. Поэтому их описание будет опираться на классификацию кодовых переключений по месту их локализации в речи (см. такой анализ в работах Г.Н. Чиршевой, П.В. Коровушкина и Н.С. Мушниковой [19–21]).

Рассмотрение смешанных высказываний мы начнем с выбора кода, затем перейдем к единицам меньшего объема – межфразовым переключениям. Далее рассмотрим внутрифразовые переключения – от взаимодействия частей сложного предложения и парентетических иноязычных вставок до вкраплений разного вида.

Обсуждение результатов исследования

Количественное соотношение всех типов кодовых переключений в речи двух детей пятилетнего возраста можно увидеть в табл. 1.

По данным табл. 1, у Саши все типы переключений количественно преобладают. При этом выбор кода по удельному весу представлен почти одинаковым соотношением с общим количеством единиц, а количество межфразовых и внутрифразовых переключений отличается более заметно.

Т а б л и ц а 1

Типы кодовых переключений

Дети	Выбор кода		Межфразовые ПК		Внутрифразовые ПК		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Миша	57	44	6	5	66	51	129	100
Саша	129	48	57	21	84	31	270	100
Всего	186	47	63	16	150	37	399	100

В ходе описания каждого типа переключений мы постараемся показать, чем могут объясняться указанные различия. Заметим, что видеозаписи Саши несколько более продолжительны, чем и объясняется большее количество его смешанных высказываний в целом. Поэтому при интерпретации количественных показателей мы будем опираться на удельный вес конкретного типа в речи каждого ребенка в отдельности.

Выбор кода

Выбор кода представляет чередование языков в диалогическом единстве и проявляется в трех вариантах:

- а) ребенок инициирует диалог на недоминантном языке;
- б) в своей ответной реплике ребенок сохраняет недоминантный код, использованный в инициирующей реплике взрослого;
- в) в своей ответной реплике ребенок меняет недоминантный код на доминантный. Количественные показатели этих трех вариантов представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Варианты выбора кода

Дети	Иницирующие реплики		Сохранение кода		Смена кода		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Миша	21	37	12	21	24	42	57	100
Саша	24	18	51	40	54	42	129	100
Всего	45	24	63	34	78	42	186	100

В выборе кода обычно отсутствует взаимодействие между грамматикой двух языков, но каждая из них представляют интерес как особое проявление дискурсивной стратегии в билингвальном общении.

Так, инициируя реплику на английском языке (недоминантном), дети демонстрировали положительное отношение к этому языку и желание чего-то добиться, определенным образом воздействовать на собеседника. Вероятно, делая более заметные усилия, когда они говорили на английском языке, они хотели, чтобы эти усилия оценили по достоинству. Мы рас-

смотрим только английские иницирующие реплики, поскольку привычное инициирование диалогов у обоих детей происходило на русском, их доминантном, языке. Примеры английских иницирующих реплик:

Миша: *Granny, let's watch cartoons!*

Саша (увидев новую фигурку на столе): *Granny, what is this?*

Сохранение кода (английского языка) в ответной реплике также способствовало отражению положительного отношения детей к английскому языку и, кроме того, часто помогало им выразить дополнительные прагматические функции: согласие с собеседником, продолжение его мысли и т.п. Примеры английских реплик с сохранением кода:

Миша (в ответ на вопрос бабушки: *Who is the driver of this motorcycle?*): ***This one is there, and this one is there.***

Саша (продолжая реплику бабушки: *Guests can sleep here* и показывая на другую кровать): ***And here!***

Смена кода общения в ответной реплике также может рассматриваться не только как недостаток компетенции в английском языке, но в ряде случаев и как особая дискурсивная стратегия: дети возражали, спорили, противоречили, что показывали и в плане выражения – выбирая русский язык в ответ на английскую реплику взрослого. Примеры смены кода:

Миша (в ответ на просьбу отца: *Chew better*): ***А я не жую, я глотаю.***

Саша (в ответ на сообщение отца: *It's time to have meals*): ***Я еще не доиграл.***

Анализ всех вариантов выбора кода показывает, что дети понимали то, о чем им говорят по-английски, но не всегда могли сами выразить на этом языке то, что хотели. Однако если они не желали огорчать собеседника или противоречить ему, то старались отвечать тоже по-английски.

Межфразовые переключения

Количественные показатели в табл. 1 демонстрируют, что в речи обоих детей межфразовые переключения имеют наименьший удельный вес (5% у Миши и 21% у Саши). Примеры:

Миша: *Скажи пале: Give me some more, daddy.*

Саша: *Granny, give the key. Я дверь открою.*

К межфразовым переключениям можно отнести и переключения-дублирования: ребенок произнес слово, словосочетание или предложение на одном языке, а потом продублировал его на другом. Такие случаи отчасти напоминают автоперевод. Примеры:

Миша: ***Granddad is ill? Дедушка заболел.***

Саша: ***What for? Зачем – чтобы быть умнее?***

Переключения-дублирования, которые были активнее в более раннем возрасте, когда дети как бы проверяли вслух, правильно ли они поняли то, что им сказали (см. такие случаи в их речи до трехлетнего возраста [22. С. 94]), в пятилетнем возрасте использовались реже и выполняли другие функции:

а) осознанно переводим для того, чтобы передать сообщение на другом языке, как в примере у Миши, когда он сначала переспросил по-английски то, что ему сказали, а потом перевел содержание услышанного на русский язык;

б) отражали стратегию облегчения языковых усилий, как в приведенном выше примере у Саши.

Стратегия облегчения в таких случаях была связана с тем, что дети с готовностью начинали отвечать на английском языке, поскольку положительно относились к обоим языкам, но, испытывая трудности в структурировании предложения и в выборе адекватных лексем, переходили на свой доминантный (русский) язык.

Внутрифразовые переключения

Как уже было указано выше, внутрифразовые переключения можно успешно анализировать с помощью модели РМЯ. Согласно этой модели различают, во-первых, матричный и гостевой языки, а также два типа морфем: содержательные и системные. К системным относят словоизменятельные морфемы в составе слова и служебные слова. Способы их выражения в разных языках различаются, поэтому в качестве единицы анализа смешанных высказываний выбирают морфему, а не слово.

Для модели РМЯ необходимо различать матричный язык (*the Matrix Language*) и гостевой язык (*the Embedded Language*), а также разграничивать содержательные морфемы (*content morphemes*) и системные (служебные, грамматически релевантные) морфемы (*system morphemes*).

В высказываниях с кодовыми переключениями матричный язык (далее – МЯ) определяет специфику построения морфосинтаксической рамки. Это осуществляется на основании двух принципов: принципа порядка морфем (*the Morpheme Order Principle*) и принципа системных морфем (*the System Morpheme Principle*), которые определяют порядок морфем и обеспечивают предложение грамматически релевантными морфемами из обоих языков. Гостевой язык (далее – ГЯ) подчиняется правилам МЯ и лишь в пределах островных переключений (островов ГЯ) может устанавливать свой порядок следования морфем и использовать системные морфемы (граммемы), например показатели множественного числа, артикли и т.д.

Содержательные морфемы чаще всего представлены корнями слов знаменательных частей речи. Однако и среди предлогов есть содержательные морфемы, например предлог *for*, который «управляет» семантико-синтаксическими ролями цели или бенефицианта, а также предлоги *before*, *between*, *with*, *within* и некоторые другие. Почти все местоимения являются содержательными морфемами, за исключением *it* и *there* в функциях формального подлежащего и дополнения.

Переходя к анализу внутрифразовых переключений кодов в речи двух пятилетних детей-билингвов, укажем, что среди них наблюдались следующие подтипы:

- а) между частями сложного предложения, где чередование языков наблюдалось чаще всего между главным и придаточным предложениями;
- б) парентетические переключения, что проявлялось в использовании иного языка для вводных частей, например обращений;
- в) островные переключения и разные виды вкраплений.

Количественное соотношение указанных подтипов см. в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Подтипы внутрифразовых ПК

Дети	ПК между частями сложного предложения		Парентетические ПК		Вкрапления островные ПК		Total	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Миша	5	7	13	20	48	73	66	100
Саша	3	4	15	18	66	78	84	100
Всего	8	5	28	19	114	76	150	100

Переключения между частями сложного предложения в речи обоих детей были наименее многочисленными. Чаще всего дети начинали отвечать на английские реплики, не меняя кода общения, а потом, вероятно испытывая трудности в выборе средств для продолжении мысли, переходили на русский язык. Такие переключения, как и смену кода, можно рассматривать как проявление стратегии облегчения языковых (речевых) усилий. Примеры:

Миша: *I can count, а он не может.*

Саша: *He will play, когда все съест.*

Парентетические переключения встречались несколько чаще, чем переключения между частями сложного предложения, но также довольно редко наблюдались в речи обоих мальчиков. Среди них преобладали английские обращения, включенные в русское предложение. Примеры парентетических переключений:

Миша: *Daddy, я не хочу больше.*

Саша: *Granny, а знаешь, что я делал вчера, еще вчера?* (т.е. позавчера).

По сравнению с первыми двумя подтипами внутрифразовых переключений в речи обоих детей вкрапления вместе с островными переключениями – самые частотные (73% у Миши и 78% у Саши). Каждый вид этого подтипа будет анализироваться ниже.

Вкрапления

Среди вкраплений мы различаем собственно вкрапления, голые формы, пиджинизированные вкрапления и острова гостевого языка. Вкрапления не включают никаких системных морфем из ГЯ. Их количественное соотношение в речи наблюдаемых детей указано в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Вкрапления и островные ПК

Дети	Собственно вкрапления		Голые формы		Пиджинизированные ПК		Острова ГЯ		Total	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Миша	15	31	18	38	3	6	12	25	48	100
Саша	27	41	18	27	3	5	18	27	66	100
Всего	42	37	36	32	6	5	30	26	114	100

Собственно вкрапления

Собственно вкрапление – одиночная лексическая единица ГЯ, подчиняющаяся грамматическим правилам МЯ, но ее особенность в том, что она используется в такой синтаксической позиции, где может оставаться в исходной форме. Это позиции подлежащего и прямого дополнения в винительном падеже, которое по форме совпадает с именительным падежом. Кроме того, это может быть именная составная часть сказуемого, когда формальные изменения слова также не требуются.

По количественным показателям собственно вкрапления дают около трети рассматриваемого подтипа в речи Миши (31%) и немного больше – в речи Саши (41%), у которого они являются самыми многочисленными видами внутрифразовых вкраплений. Чаще всего дети внедряли английские слова в русскую морфосинтаксическую рамку (см. ниже пример из речи Саши), но иногда и наоборот – русские слова в английскую морфосинтаксическую рамку (см. пример из речи Миши).

Миша: *Where is **пистолет**?*

Саша: *Еще один **song**.*

Преобладание английских слов в русских морфосинтаксических рамках над использованием русских слов в английских рамках – еще одно свидетельство того, что роль МЯ обычно играет доминантный язык, с которым дети обращаются привычно и уверенно. Если дети использовали собственно вкрапления русских слов в английских предложениях, то это были короткие и стереотипные конструкции, которые пятилетние дети хорошо усвоили, но не всегда могли полностью оформить на английском языке из-за лексических лакун в англоязычном лексиконе.

Голые формы

Голые формы (*bare forms*) – это особый вид вкраплений, отличающийся тем, что такие единицы гостевого языка в морфосинтаксической рамке матричного языка не оформляются грамматическими показателями, которые требуются в данной позиции, например: *Она вышла погулять со своим **dog**.*

«Голые формы» не нарушают правил модели РМЯ и встречаются в речи билингвов любого возраста. Большое количество «голых форм» характерно для смешанных высказываний детей-билингвов в тот период, когда они

еще не усвоили нужных системных морфем. Пятилетние дети использовали голые формы не потому, что не знали, как добавить к ним системные морфемы; скорее всего, дети ощущали особенность таких слов, знали, что они принадлежат другому языку, и потому сохраняли их в том виде, в котором слышали в речи взрослых. Возможно также, что дети не были уверены в том, как менять форму таких слов, когда они попадают в русское предложение.

Голые формы встречались у Миши даже чаще, чем собственно вкрапления (38%). У Саши они были представлены тем же количеством, что и у Миши, но в его речи они занимали вторую позицию по частотности после собственно вкраплений (27%) – их немного меньше трети всех его внутрифразовых переключений.

Миша: *A у него нет bicycle.*

Саша (в ответ на вопрос бабушки о творожке, который она достала из холодильника: *Too cold?*): *Ну, немножко cold.*

Голые формы в этот период билингвального развития детей включали английские существительные, глаголы и прилагательные. По сравнению с более ранними периодами, когда среди голых форм у этих детей были почти исключительно существительные, этот инвентарь расширился.

Пиджинизированные переключения

Пиджинизированные переключения (classical code-switches, в терминах РМЯ) появлялись в адекватно построенной морфосинтаксической рамке русского языка, в которую из английского языка внедрялись корневые английские морфемы, снабженные русскими флексиями для того, чтобы гостевые единицы не нарушали правила русской грамматики. Иногда, как в примере из речи Саши (см. ниже), русское слово могло появиться в англоязычной морфосинтаксической рамке. Такие переключения – редкое явление в речи обоих детей (6% у Миши и 5% у Саши).

Миша: *Я видел много skeleton-ов.*

Саша: *Will you play карма-s?*

У Миши английское существительное внедрено в русскую рамку в той падежной форме, которая требовалась в данной позиции. Саша добавил английский показатель множественного числа к русскому слову, поскольку внедрил его в английское предложение. Примечательно, что, как выяснилось из дальнейших расспросов об этом случае, он и сам не понял, почему не выбрал английское существительное (*card*), которое хорошо знал и часто использовал.

Острова гостевого языка

Островные переключения (island switches), или острова ГЯ, состоят из одной или нескольких содержательных морфем ГЯ либо включают, кроме содержательных морфем, одну или несколько системных морфем ГЯ, например существительное с артиклем и флексией и т.п.

В речи обоих детей острова ГЯ – явление нередкое, они составляли четверть всех их переключений рассматриваемого подтипа (25% у Миши и 27% у Саши).

Чаще всего дети включали английские острова в русскую морфосинтаксическую рамку, как в примерах ниже:

Миша: *Он хочет to draw, а я – to watch.*

Саша (указывая на других персонажей мультфильма): *И эти – friends.*

Однако иногда дети строили и русские острова в английском предложении, как в приведенном ниже примере из речи Саши.

Саша: *Granny, thank you за пряники.*

К островным переключениям можно отнести и переключения с дублированной морфологией (double morphology): один и тот же грамматический показатель выражен как на МЯ, так и на ГЯ. Такие случаи были единичными и зафиксированы только у Саши.

Саша (в ответ вопрос бабушки: *Whose picture is that?*): *Это Micky-ин's.*

Этот случай интересен тем, что остров ГЯ построен с нарушением принципа системных морфем МЯ: он разрушен внедрением в него русского показателя посессивности. Категория посессивности уже хорошо была освоена мальчиком на обоих языках, но в данном случае сбой произошел, вероятно, по прагматически объяснимой причине: он как бы спохватился, что отвечать нужно по-английски, поэтому выбрал английский вариант имени брата (говоря по-русски, всегда называл его Мишей). Однако матричным языком в его высказывании по-прежнему оставался русский, поэтому сначала он использовал русский суффикс (-ин), а потом, глядя на бабушку, добавил и английский (-'s). Если бы такие случаи повторялись, можно было бы рассмотреть идею формирования составного матричного языка (Composite Matrix Language), который образуется в ходе утраты компетенции в одном языке и перестройки статусно-ролевых отношений между МЯ и ГЯ, как это наблюдается у детей, забывающих первый язык и активно усваивающих второй в условиях иммиграции [23–25]. Однако в речи наблюдаемых нами детей такие случаи не повторялись, поэтому их можно оценить как прагматические «сбои» выбора языковых единиц в билингвальной коммуникативной ситуации.

Выводы

Таким образом, можно отметить следующие характеристики билингвальной речи у двух детей (братьев) из одной семьи в возрасте 5 лет, одновременно усваивающих русский и английский языки в моноэтнической языковой среде.

1. Чаще всего у детей наблюдалась смена кода, которую в этом возрасте они начали использовать как особую дискурсивную стратегию: меняя язык, они хотели добавить какие-то прагматические оттенки в свои реплики.

2. Иницирующие реплики на недоминантном (английском) языке были нередким явлением, и дети старались их использовать для достижения

перлокутивного эффекта (выполнения их просьб, быстрого ответа на запрос информации и т.д.). Однако такие реплики были стереотипными по структуре, достаточно короткими и не отличались лексическим разнообразием. Это говорит о том, что дети сохраняли положительное отношение к английскому языку, но компетенция в нем развивалась значительно более медленными темпами, чем в русском языке.

3. Большое количество голых форм свидетельствовало о том, что, с одной стороны, дети не были уверены в том, как совместить грамматики двух языков, и поэтому не добавляли иноязычные грамматические показатели к словам. С другой стороны, эти единицы, чаще всего английские лексемы, служили средством когерентности между репликой взрослого, в которой они их услышали, а потом повторили в своей, уже русскоязычной ответной реплике.

4. В смешанных высказываниях обоих детей русский язык в подавляющем большинстве случаев играл роль матричного языка, а гостевым языком обычно был английский. Это говорит об укреплении и дальнейшем повышении доминантности русского языка над английским в ходе формирования билингвизма у наблюдаемых детей.

Различия в билингвальных структурах двух детей наблюдались в следующем.

1. Более активным в переключениях между двумя языками был младший из братьев. Одной из причин может быть то, что по личностным характеристикам он был более эмоциональным, чаще старался ориентироваться на языки собеседников.

2. Большим разнообразием у младшего брата в пятилетнем возрасте отличались все структуры кодовых переключений. Вероятно, это можно объяснить тем, что его разноязычный инпут был более насыщенным, поскольку включал не только общение со взрослыми, но и со старшим братом.

3. Оба мальчика редко использовали недоминантный язык в качестве матричного, но у младшего брата таких случаев наблюдалось больше, чем у старшего.

Наблюдение за билингвальной речью двух пятилетних детей показало, что переключения кодов в этом возрасте структурно и прагматически разнообразны, но выбор их форм определяется особенностями развития детской двуязычной компетенции, в которой все более доминантным становится русский язык.

Сравнивать полученные нами результаты с результатами других исследований переключений кодов можно лишь по некоторым частным аспектам, поскольку нет совпадений возрастных периодов, языковых комбинаций, количества наблюдаемых и использованных методик. Можно отметить только, что есть пересечения в положениях о том, что доминантный язык чаще функционирует как матричный. В отличие от предыдущих исследований, в нашей работе более дифференцированно рассмотрены разнообразные структуры переключений кодов на основе рамочной модели матричного языка, а также установлено их взаимодействие с проявлением доминантности языка, совпадающего с матричным.

Обычно описание детского билингвизма основано на анализе компетенции ребенка на каждом из двух языков. Исследователи чаще всего рассматривают их взаимодействие как негативное явление, на наличие которого указывают, но которое не изучают детально и не связывают с аспектами формирования билингвизма. Новизна данного исследования заключается в привлечении внимания к изучению смешанной речи детей, которая дает возможность выявить особые характеристики взаимодействия языков при их одновременном усвоении в семье и при этом проследить динамику формирования детского билингвизма. Для установления взаимосвязи структурных и прагматических характеристик кодовых переключений с временными рамками развития детского билингвизма требуется проведение дополнительных исследований на всех этапах его формирования. Данная работа, таким образом, является одной из начальных попыток разработать теоретические и методологические основы проведения таких исследований и показать на примере одного возрастного периода, каким образом его можно осуществить.

Для контактной лингвистики новизна и значимость лонгитюдного изучения структуры детских переключений кодов заключается в том, что оно дает возможность выявить их возрастную вариативность и проследить динамику структурных взаимодействий двух языков в специфических условиях – в речевой коммуникации отдельных индивидов в изменяющихся условиях формирования их билингвизма. Результаты таких исследований вносят вклад в развитие концепций и моделей порождения и функционирования билингвальной речи, способствуя повышению их экспланаторности и расширению эмпирической базы – за счет привлечения разнообразных комбинаций взаимодействующих языков.

Литература

1. Grosjean F. The bilingual's language modes // One mind, two languages: Bilingual language processing. Oxford : Blackwell, 2001. P. 1–22.
2. Quay S. Dinner conversations with a trilingual two-year-old: Language socialization in a multilingual context // First Language. 2008. Vol. 28, № 1. P. 5–33.
3. Goldrick M., Putnam M., Schwarz L. Co-activation in bilingual grammars: A computational account of code mixing // Bilingualism: Language and Cognition. 2016. Vol. 19, № 5. P. 857–876. DOI: 10.1017/S1366728915000802
4. Lanvers U. Language alternation in infant bilinguals: A developmental approach to codeswitching // International Journal of Bilingualism. 2001. Vol. 5, № 4. P. 437–464.
5. Meisel J.M. Code-switching in young bilingual children. The acquisition of grammatical constraints // Studies in Second Language Acquisition. 1994. Vol. 16, № 4. P. 413–439.
6. Nicoladis E. “I have three years old” // Journal of Monolingual and Bilingual Speech. 2019. Vol. 1, № 1. P. 80–93. DOI: 10.1558/jmbs.11126
7. Yow W.Q., Patricia F., Flynn S. Code-switching in childhood // Lifespan perspectives on bilingualism / eds by E. Nicoladis, S. Montanari. Washington, DC : American Psychological Association ; Berlin : De Gruyter Mouton, 2016. P. 81–100.
8. Yow W.Q., Tan J.S.H., Flynn S. Code-switching as a marker of linguistic competence in bilingual children // Bilingualism: Language and Cognition. 2018. Vol. 21, № 5. P. 1075–1090. DOI: 10.1017/S1366728917000335

9. Poeste M., Müller N., Arnaus G.L. Code-mixing and language dominance: bilingual, trilingual and multilingual children compared // *International Journal of Multilingualism*. 2019. Vol. 16, № 4. P. 459–491. DOI: 10.1080/14790718.2019.1569017
10. Jisa H. Language mixing in the weak language: Evidence from two children // *Journal of Pragmatics*. 2000. Vol. 32. P. 1363–1386.
11. Saunders G. Bilingual children: From birth to teens. Clevedon : Multilingual Matters, 1988. 274 p.
12. Saunders G. Bilingual children: Guidance for the family. Clevedon : Multilingual Matters, 1982. 278 p.
13. Vihman V.-A. Code-switching in emergent grammars: Verb marking in bilingual children's speech // *Philologia Estonica Tallinensis*. 2016. Vol. 1. P. 175–198. DOI: 10.22601/PET.2016.01.10
14. Vihman V.-A. Language interaction in emergent grammars: Morphology and word order in bilingual children's code-switching // *Languages*. 2018. Vol. 3, № 4. P. 1–23. DOI: 10.3390/languages3040040
15. Myers-Scotton C. A lexically based model of code-switching // *One Speaker, Two Languages*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 233–256.
16. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford : Clarendon Press, 1997. 285 p.
17. Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford : Oxford University Press, 2002. 342 c.
18. Myers-Scotton C., Jake J. Revisiting the 4-M model: code-switching and morpheme election at the abstract level // *International Journal of Bilingualism*. 2017. Vol. 21, № 3. P. 340–366. DOI: 10.1177/1367006915626588
19. Чиршева Г.Н. Двухязычная коммуникация. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2004. 190 с.
20. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков. СПб. : Златоуст, 2012. 488 с.
21. Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В., Мушеникова Н.С. Выбор кода как один из показателей билингвального развития детей от 5 до 6 лет // *Взаимодействие языков и культур : материалы докладов VII Международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения профессора В.П. Коровушкина / под ред. Г. Н. Чиршевой*. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2019. С. 171–182.
22. Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 48. С. 84–97. DOI: 10.17223/19986645/48/6
23. Bolonyai A. In-between languages: language shift/maintenance in childhood bilingualism // *International Journal of Bilingualism*. 1998. Vol. 2, № 1. P. 21–43. DOI: 10.1177/136700699800200102
24. Schmitt E. Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis*. Narva, 2008. P. 311–330.
25. Schmitt E. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia // *International Journal of Bilingualism*. 2000. Vol. 4, № 1. P. 9–28.

Code-Switches in the Speech of Five-Year-Old Bilingual Children

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 71. 169–184. DOI: 10.17223/19986645/71/10

Galina N. Chirsheva, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: chirsheva@mail.ru

Petr V. Korovushkin, independent researcher (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

Keywords: childhood bilingualism, code-switching, structural and pragmatic aspects of bilingual speech, Russian, English.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-00260.

This article aims at establishing the interrelation between the structural aspects of mixed speech and the development of two five-year-old siblings' bilingualism. These boys have been acquiring Russian and English simultaneously in the 'one parent – one language' bilingual context in a Russian family in Russia. The authors classify the observed code-switches into three main types: code-choice, intersentential switches, and intrasentential ones. Code-choice demonstrates contacts of two languages only in semantic and pragmatic aspects, thus reflecting various kinds of the bilingual discursive strategy. Intersentential code-switches can shed light on the ways bilingual children structure Russian and English sentences combined within a single utterance. Contacts between grammars are minimal in such subtypes of intrasentential code-switches as clause-switches and parenthetical switches, while in other subtypes (insertions proper, classical switches, island switches, and bare forms) the interrelation is much closer. Structural features of the bilingual utterances of the latter subtypes are analyzed within the framework of the Matrix Language Frame Model (MLFM) elaborated by C. Myers-Scotton. The authors have adopted the MLFM for the analysis of child bilingual utterances. The analysis of each type and subtype of code-switches is combined with the description of the two siblings' bilingual development. The authors have found out that code-switches reflect the unbalanced development of child bilingualism in the following ways: (1) frequent code-shifts from English to Russian in dialogs with English-speaking adults; (2) predominant employment of Russian as the Matrix Language; (3) frequent use of English bare forms in Russian morphosyntactic frames; (4) rare occurrences of classical code switches. The mixed speech of the five-year-old children showed that they are competent enough not to violate the principles of the MLFM, with occasional violations of the System Morpheme Principle observed only in English morphosyntactic frames. The comparison of the siblings' code-switches has revealed that at the age of five they have more common than specific characteristics in all structures. The differences in the structural characteristics of their code-switches are mainly quantitative: code-switches are more numerous and variable in the younger boy. The results of the research can contribute to the study of simultaneous child bilingual development via structural and pragmatic analysis of code-switches. Moreover, the analysis of child bilingual speech can verify some aspects of language contact theory and cognitive processes underlying production of bilingual individuals' speech.

References

1. Grosjean, F. (2001) The bilingual's language modes. In: Nicol, J.L. (ed.) *One mind, two languages: Bilingual language processing*. Oxford: Blackwell. pp. 1–22.
2. Quay, S. (2008) Dinner conversations with a trilingual two-year-old: Language socialization in a multilingual context. *First Language*. 28 (1). pp. 5–33.
3. Goldrick, M., Putnam, M. & Schwarz, L. (2016) Co-activation in bilingual grammars: A computational account of code mixing. *Bilingualism: Language and Cognition*. 19 (5). pp. 857–876. DOI: 10.1017/s1366728915000802
4. Lanvers, U. (2001) Language alternation in infant bilinguals: A developmental approach to codeswitching. *International Journal of Bilingualism*. 5 (4). pp. 437–464.
5. Meisel, J.M. (1994) Code-switching in young bilingual children. The acquisition of grammatical constraints. *Studies in Second Language Acquisition*. 16 (4). pp. 413–439.
6. Nicoladis, E. (2019) "I have three years old". *Journal of Monolingual and Bilingual Speech*. 1 (1). pp. 80–93. DOI: 10.1558/jmbs.11126
7. Yow, W.Q., Patrycia, F. & Flynn, S. (2016) Code-switching in childhood. In: Nicoladis, E. & Montanari, S. (eds) *Lifespan perspectives on bilingualism*. Washington, DC: American Psychological Association; Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 81–100.

8. Yow, W.Q., Tan, J.S.H. & Flynn, S. (2018) Code-switching as a marker of linguistic competence in bilingual children. *Bilingualism: Language and Cognition*. 21 (5). pp. 1075–1090. DOI: 10.1017/S1366728917000335
9. Poeste, M., Müller, N. & Arnaus, G.L. (2019) Code-mixing and language dominance: bilingual, trilingual and multilingual children compared. *International Journal of Multilingualism*. 16 (4). pp. 459–491. DOI: 10.1080/14790718.2019.1569017
10. Jisa, H. (2000) Language mixing in the weak language: Evidence from two children. *Journal of Pragmatics*. 32. pp. 1363–1386.
11. Saunders, G. (1988) *Bilingual children: From birth to teens*. Clevedon: Multilingual Matters.
12. Saunders, G. (1982) *Bilingual children: Guidance for the family*. Clevedon: Multilingual Matters.
13. Vihman, V.-A. (2016) Code-switching in emergent grammars: Verb marking in bilingual children's speech. *Philologia Estonica Tallinensis*. 1. pp. 175–198. DOI: 10.22601/PET.2016.01.10
14. Vihman, V.-A. (2018) Language interaction in emergent grammars: Morphology and word order in bilingual children's code-switching. *Languages*. 3 (4). pp. 1–23. DOI: 10.3390/languages3040040
15. Myers-Scotton, C. (1995) A lexically based model of code-switching. In: Milroy, L. & Muysken, P. (eds) *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 233–256.
16. Myers-Scotton, C. (1997) *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press.
17. Myers-Scotton, C. (2002) *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press.
18. Myers-Scotton, C. & Jake, J. (2017) Revisiting the 4-M model: code-switching and morpheme election at the abstract level. *International Journal of Bilingualism*. 21 (3). pp. 340–366. DOI: 10.1177/1367006915626588
19. Chirsheva, G.N. (2004) *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets: Cherepovets State University.
20. Chirsheva, G.N. (2012) *Detskiy bilingvizm: Odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov* [Children's bilingualism: Simultaneous acquisition of two languages]. Saint Petersburg: Zlatoust.
21. Chirsheva, G.N., Korovushkin, P.V. & Mushnikova, N.S. (2019) [The choice of a code as one of the indicators of bilingual development of children aged from 5 to 6] *Vzaimodeystvie yazykov i kul'tur* [Interaction of languages and cultures]. Conference Proceedings. Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 171–182. (In Russian).
22. Chirsheva, G.N. & Korovushkin, P.V. (2017) Mixed Speech of Bilingual Children in a Russian Family. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 84–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/6
23. Bolonyai, A. (1998) In-between languages: language shift/maintenance in childhood bilingualism. *International Journal of Bilingualism*. 2 (1). pp. 21–43. DOI: 10.1177/136700699800200102
24. Schmitt, E. (2008) Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? In: *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis*. Narva. pp. 311–330.
25. Schmitt, E. (2000) Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia. *International Journal of Bilingualism*. 4 (1). pp. 9–28.